

И. Наживин

В деревне

Рассказы для детей

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И. Наживин**
В деревне: Рассказы для детей / И. Наживин – М.: Книга по Требованию, 2021. –
142 с.

ISBN 978-5-517-99266-6

ISBN 978-5-517-99266-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВЪ ДЕРЕВНѢ.

I. — Преступленіе и наказаніе.

На задворкахъ у Кузьмы, у сѣренькаго покосившагося сарая, на золотой соломѣ, въ узорчатой тѣни старой, развѣсистой рябины сидитъ бѣлоголовый Петька и съ сосредоточеннымъ выраженіемъ на смугломъ, рябомъ, какъ наперстокъ, лицѣ дѣлаетъ трещалку. Неподалеку отъ него, въ горячемъ блескѣ солнца ползаетъ по изумрудной травѣ полуторогодовалая, очень похожая на него Олька въ грязной рубашонкѣ и, подбирая въ травѣ опавшую зеленую рябину, суетъ себѣ ягоды въ ротъ и смѣется. Вокругъ глубокій покой и тишина, нарушаемая только милымъ щебетаньемъ ласточекъ вокругъ соломенныхъ кровель, визгомъ стрижей, весело носящихся въ голубой безднѣ неба, да говоромъ куръ, бродящихъ по лужайкѣ подъ предводительствомъ огненнокраснаго, точно высѣченнаго изъ бѣшенаго вихря пламени, пѣтуха очень рѣшительнаго вида...

Петькѣ восьмой годъ. Это ширококостый, но худой мальчикъ, крѣпкій и ловкій на всѣ руки: сдѣлать повозку, самострѣль, отыскать въ лѣсной чащѣ птичье гнѣздо, забраться на дерево, оттузить какого-нибудь пріятеля, — на все это у Петьки среди ровесниковъ нѣтъ равнаго. Петька очень молчаливъ, но лицо его,

вся его фигура неизмѣнно и ясно говорятъ всякому: «говорите себѣ, что хотите, а я свое дѣло тонко знаю...»

Петька сумраченъ: мамка не пустила его съ ребятами на рѣчку. Виной всему этому эта несчастная Олька, — пнянчись вотъ съ ней! И на кой лядъ онѣ, эти дѣвчонки, родятся только?! Но мысль, что его трещалка будетъ предметомъ удивленія и зависти всѣхъ ребятъ, заставила его понемногу забыть свое огорченіе и углубиться въ работу...

Громкій плачь Ольки вдругъ оторвалъ его отъ дѣла: она острекалась о крапиву, густо разросшуюся вдоль сѣренькаго плетня. Возмущенный этимъ крикомъ, который могъ навлечь на него непріятности за недоглядъ, Петька, быстро вскочивъ, далъ Олькѣ нѣсколько звонкихъ шлепковъ, но тутъ же сообразилъ, что промахнулся, опять-таки на свою же шею. Онъ схватилъ горько плакавшую Ольку на руки.

— Ну, Олечка... Ну, не плачь, родимка!.. — съ кипящимъ въ сердцѣ гнѣвомъ, но нѣжнымъ голоскомъ, подражая матери, говорилъ онъ. — Вотъ, смотри: рябинка! Эхъ, какая рябинка! Скоро поспѣетъ рябинка, ѣсть ее будемъ!.. Ну, не плачь... Я тебѣ нарву много, много рябинки — цѣлый кузовъ... Хочешь? Ну, вотъ такъ, не плачь...

Олька успокоилась... Петька опять сунулъ ее въ траву и, бросивъ на нее сердитый взглядъ, снова взялся за работу...

За сараемъ послышались голоса. То были Васютка, братъ Петьки, и Васька хромой, по прозванію Колодушкинъ, его пріятель. По ихъ мокрымъ волосамъ, по зяблымъ, посинѣвшимъ лицамъ было видно, что они накупались вдоволь.

Васютка былъ старше Петьки на два года. По всему

было видно, что онъ его братъ и не только тѣломъ, но и духомъ: руки, ноги, лицо Васютки, все было покрыто старыми и свѣжими царапинами, ссадинами, подтеками, свидѣтельствовавшими о его крайней предпринчивости. Васька, ровесникъ Петьки, былъ худенькій, хромой мальчикъ съ болѣзненнымъ востроносимъ личикомъ и крошечными, унылыми глазками. Въ противоположность сосредоточенно-молчаливому Петькѣ, онъ постоянно лопочеть «не знамо что», какъ колодушка ночного сторожа, — за это и прозвали его Колодушкинымъ, — и, робкій, въ душѣ, выказываетъ всегда необыкновенное молодечество. Онъ былъ закадычнымъ другомъ братьевъ, потому что искренно преклонялся предъ ихъ предпринчивостью, а они любили его потому, что онъ былъ слабъ и преклонялся предъ ними.

Васютка съ видомъ знатока осмотрѣлъ трещалку, потомъ вдругъ вспомнилъ, что ему страшно хочется ѣсть.

— Петька, хошь сметаны? — таинственно и строго спросилъ онъ.

— А гдѣ она? — недовѣрчиво спросилъ Петька.

— Я ужъ знаю, гдѣ... — также таинственно и строго отвѣчалъ Васютка. — Мать съ Анкой ушли, должно, лень полоть, а погребъ забыли запереть... Тамъ много... Только ты смотри, не проговорись — нынче вѣдь постный день... Ежели узнають, париха*) будетъ здоровая...

— А она увидить, скажетъ: гдѣ сметана?

— Да ужъ знаю!. — нетерпѣливо отвѣчалъ Васютка. — Пойдемъ скорѣе, а то у меня всѣ животики подвело... Васька, хошь?

— Хочу... — молодцевато отвѣчалъ трусившій Колодушкинъ.

---

*) Взбучка.

— Идемъ...

— А Олька? — сказалъ Петька.

— А что ей сдѣлается, твоей Олькѣ? — еще нетерпѣливѣе возразилъ Васютка. — Посидить... Вы идите къ погребу, а я сейчасъ...

И онъ исчезъ...

Ребята осторожно пробрались къ низенькому, приземистому погребу, на полусгнившей соломенной крышѣ котораго буйно разросся красивый нѣжно-лиловый пустырникъ и дикая рябина. Оставшись одна, Олька залилась отчаяннымъ плачемъ... Васютка явился съ пестрой, бѣло-рыжей кошкой на рукахъ.

— Смотри, тише!.. — командовалъ онъ.

— Знаемъ, знаемъ! — увѣренно отозвался Васька.
— Дѣйствуй!..

Изъ растворенной дверцы погреба пріятно пахнуло на ребятъ влажной прохладой. Всегда, а особенно въ постные дни, полуголодные ребята при видѣ темныхъ кринокъ съ густой сметаной и молокомъ почувствовали нестерпимый голодъ. Васютка моментально овладѣлъ большой, холодной и влажной кринкой, вытащилъ изъ-за пазухи кусокъ хлѣба. Еще минута, и ребята уплетали хлѣбъ со сметаной такъ, что за ушами пицало. Вдали заливалась Олька...

— Ой, кто-то словно въ избѣ стукнулъ? — прошептала Васька, и его худенькая, востроносая мордочка отразила крайнее безпокойство.

Остатки вкусной ѣды моментально исчезли въ желудкахъ, рукава однимъ махомъ стерли съ губъ слѣды преступленія. Васютка короткимъ, ловкимъ движеніемъ вымазалъ отчаянно сопротивлявшейся кошкѣ все рыло сметаной, бросилъ ее и, сунувъ пустую кринку въ полуотворенную дверь погреба, закричалъ:

— Мамка, мамка, смотри: кошка всю сметану слопала!

— Ты что, Васютка? — отозвался отъ избы звонкій дѣвичій голосъ.

— Анка! — боязливо шепнулъ Васютка и опять закричалъ: — Анка, кошка всю сметану въ погребѣ слопала!

Изъ-за плетневаго сарайчика вышла крѣпкая, миловидная дѣвушка, сестра Васютки и Петьки. Она была одѣта бѣдно, но чистенько — она жила нѣкоторое время въ городѣ, въ «поднянькахъ» у лѣснаго ревизора, и тамъ ее пріучили смотрѣть за собой. Увидѣвъ аппетитно облизывающуюся въ травѣ кошку, она разомъ сообразила, въ чемъ дѣло. Еще мгновение, и она нахлестывала кошку, приговаривая: «вотъ тебѣ... вотъ тебѣ... будешь ли еще?..»

Петькой, всегда серіознымъ, почти суровымъ Петькой вдругъ овладѣлъ нестерпимый смѣхъ. Звонко расхохотавшись, онъ повалился на траву и, какъ сумасшедшій, сталъ кататься по ней, заливаясь смѣхомъ. За нимъ вдругъ разразились и Васютка, и Васька. Это показало Аннушкѣ подозрительнымъ. Она бросила кошку, схватила Петьку — на губахъ несомнѣнные признаки преступленія, она къ Васюткѣ — онъ увернулся, она къ Васькѣ, — весь подолъ рубашонки въ сметанѣ!

— Ага! Такъ вы вотъ какъ! Скоромитесь въ пятницу? Хорошо!

Отчаянный плачь Ольки донесся отъ сарая.

— А Оля гдѣ? — обрушилась она на Петьку, уже погрузившагося въ свою обычную серіозность. — Гдѣ Оля? Зачѣмъ ее бросилъ?

Звонкій подзатыльникъ вызвалъ въ Петькѣ, какъ всегда, сознание глубокой обиды и ничѣмъ неодолимое упрямство: онъ молчалъ, какъ мертвый.

— Зачѣмъ бросилъ дѣвчонку? А?

Петька молчалъ.

Олька съ громкимъ плачемъ ползла по узенькой тропинкѣ къ погребу. Аннушка схватила ее на руки.

— Въизбу!.. — скомандовала она ребятамъ. — Всѣ!.. И ты, хромой! Иди, иди, а то скажу матери, какъ ты по чужимъ погребницамъ лазишь да скоромишься въ постные дни, хуже будетъ... Марш!

Нога за ногу поплелись ребята въ избу. Лица ихъ были сумрачны, — ничего хорошаго впереди не предвидѣлось. За ними шла съ Олькой на рукахъ Аннушка; она придумывала, какъ бы ей наказать ребятъ, — она, старшая сестра, любила показать свою власть надъ ними. Поэтому отношенія ихъ были всегда обострены, особенно почему-то съ Петькой, который терпѣть ее не могъ за «бѣлаго бычка».

— Петька!

— Что? — угрюмо отзывается Петька.

— Разказать тебѣ сказку про бѣлаго бычка?
— ласково спрашиваетъ Аннушка.

— Иди въ болото... — бурчитъ Петька.

— Ты говоришь: иди въ болото, я говорю: иди въ болото. Разказать тебѣ сказку про бѣлаго бычка?

Петька угрюмо сопить.

— Ты молчишь, я молчу, — разказать тебѣ сказку про бѣлаго бычка?

Она изводила этимъ Петьку. Но и у него было противъ нея оружіе, котораго она — особенно въ большихъ порціяхъ — не выносила.

— Анка — баланка. Анка — баланка... Анка — баланка. — пѣвуче, фальшивымъ голосомъ тянулъ Петька, прыгая въ почтительномъ отдаленіи на одной ногѣ и высовывая языкъ. — Анка — баланка...

— Я тебѣ дамъ, рябой! — грозилаь Аннушка, которую раздражала эта безсмысленная «баланка».

— Анка — баланка. . . Анка — баланка. . . Анка — баланка. . .

Въ ея сердцѣ кипѣло, но Петька былъ увертливъ.

Аннушка вела ребятъ въ избу и придумывала наказаніе позанозистѣ, пообиднѣ. Великолѣпная мысль вдругъ осѣнила ее.

Всѣ вошли въ темную трехъ-оконную избу — старья, развѣсистыя березы заслоняли свѣтъ. — Все въ ней было чисто, заботливо прибрано. Въ переднемъ углу темнѣли старинныя иконы; рядомъ съ ними на полкѣ лежали толстыя, старинныя книги въ полуистлѣвшихъ кожаныхъ переплетахъ съ мѣдными застежками; тутъ же стояла небольшая мѣдная кадильница съ ручкой, — мать, Аѳимья, любила молиться и читать святыя книги.

Обезпокоенныя мухи, дремавшія въ сумракѣ, закружились по избѣ съ пѣвучимъ жужжаньемъ какою-то черной метелью.

Аннушка сунула плачущей Олькѣ кусокъ пирога съ картошкой, и та сразу утѣшилась.

— Ну, погодите, голубчики!

Она быстро достала изъ своей маленькой укладки, стоявшей подъ лавкой, нѣсколько старыхъ, слежавшихся газетъ, привезенныхъ изъ города, быстрымъ движеніемъ свернула одинъ колпакъ, другой, третій, — она видѣла въ городѣ, у ревизора, какъ гувернантка наказывала дѣтей, надѣвая на нихъ огромные бумажные колпаки.

— Ну-ка. . .

Васютка, Васька и Петька оказались вдругъ въ величественныхъ шлемахъ. Ребята понимали, что ихъ наказали, но не понимали, въ чемъ же, собственно,

туть наказаніе; съ сумрачными лицами сидѣли они рядышкомъ на лавкѣ и не поднимали глазъ.

— Ишь, какъ хорошо! — язвительно проговорила Аннушка. — Ну, вотъ такъ и сидите, пока не приду. А ежели который сниметь, такъ и знайте: на весь день въ омшаникъ запру... Вотъ пусть и посмотрятъ люди, и полюбуются. Пойдемъ, Оля, на прудъ, бѣлье полоскать.

Дверь захлопнулась. Петька покосился на Ваську, и губы его свело беззвучнымъ смѣхомъ. И вдругъ лица ребятъ расцвѣли: такого великолѣпія они еще и не видывали! Васютка быстро вскочилъ на лавку и съ широкой улыбкой сталъ глядѣть на себя въ маленькое, въ жестяной оправѣ, зеркальце, все сплошь засиженное мухами. Васька и Петька съ восхищеніемъ оглядывали одинъ другого, ожидая съ страстнымъ нетерпѣніемъ очереди увидѣть себя въ зеркалѣ.

Петькѣ вдругъ показалось, что колпакъ Васьки величественнѣе, и онъ предложилъ ему помѣняться. Колотушкинъ колебался.

Въ сѣняхъ послышалось шарканье ногъ и задушевная, тихая пѣсенка: *«Эхъ, я наслушался да ра... разныхъ пташничакъ...»*

— Тятька! — сказалъ Петька.

Ребята ожидали. Возбужденныя, раскраснѣвшіяся лица ихъ трепетали отъ сдерживаемаго смѣха и восхищенія.

Дверь отворилась, и въ избу вошелъ худой, бѣлокурый мужикъ, лѣтъ подъ 50, съ тихимъ, добродушнымъ лицомъ, украшеннымъ козлиной бородкой цвѣта соломы. Онъ, видимо, подгулялъ.

— Ого! — протянулъ онъ. — Вотъ такъ енаралы!

Ребята глядѣли на него со смѣющимися лицами,

— они совсѣмъ не боялись отца. Правда, и онъ иногда дастъ стучушку, но видно, что это такъ только, въ родѣ какъ по долгу службы, не то, что Анка съ ея ядовитыми подзатыльниками или строгая мать, которая дралась рѣдко, но подзатыльники которой носили неизмѣнно строгій, дѣловой характеръ.

— А я къ куму зашелъ, — кобылу онъ новую съ базара привелъ. — пѣвуче заговорилъ, усѣвшись на лавкѣ, Кузьма. — Ничего, ладная кобылка. Ну, выпили по стаканчику, спрыснули. Прихожу домой, а тутъ вдругъ — енаралы! Ахъ, въ ротъ вамъ пирога съ горохомъ! Ну, идите на улицу, а я полежу маленько. «Ступай мужъ домой. — загѣлъ онъ тихо-нько, залѣзая на печку, — ступай, голубчикъ мой. Эхъ да я наслушался да ра. разныхъ пташничакъ! .»

Ребята колебались: съ одной стороны, что скажетъ Анка, съ другой — тотъ эффектъ, который ихъ появленіе, несомнѣнно, вызоветъ на улицѣ. Васютка не выдержалъ искушенія.

— Вали, ребята! Скажемъ, тятка велѣлъ. .

Всѣ бросились изъ избы.

Черезъ нѣсколько минутъ у избы Кузьмы собралась вся дѣтвора деревеньки. Восторгу, удивленію, смѣху, крикамъ, радости не было конца. Кто украсилъ свою голову лопухомъ, кто свернулъ изъ платка чалму, кто свилъ вѣнокъ изъ соломы. И все это, пестрое, яркое, живое, съ хохотомъ вертѣлось и плясало вокругъ ослѣпительныхъ въ своемъ величій «енараловъ», которые стояли, распустивъ отъ удовольствія ротъ до ушей. Васютка съ Петькой не выдержали въ концѣ концовъ и тоже пустились въ плясъ; Колотушкинъ залѣзъ на завалинку и, показывая свое молодечество, испускалъ дикіе крики.

А изъ-за угла, съ Олькой на одной рукѣ и съ пустымъ кузовкомъ отъ бѣлья въ другой, стоитъ Аннушка; она не знаетъ, сердиться ей или смѣяться: такого результата отъ своего наказанія она никакъ не ожидала. Изъ-за ея плеча смотреть Афимья, и на ея строгомъ, темномъ лицѣ, напоминающемъ лики старыхъ иконъ, играетъ легкая, нѣжная улыбка: ея материнское сердце, при видѣ счастья и радости дѣтей, только-что сразу отпустило имъ ихъ прегрѣшеніе.

II. — Кладь.

Было утро воскресенья... У Кузмы собирались чай пить. Петька съ самымъ равнодушнымъ видомъ потерялся по избѣ, потомъ вдругъ незамѣтно юркнулъ въ дверь и со всѣхъ ногъ бросился къ овину. Тамъ уже сидѣли Васютка, Николка Рябой, Бориска, черноголовый, какъ жукъ, мальчуганъ съ чудными, глубокими и бархатными глазами, и Мишутка Левашевъ, сынъ лавочника, болѣзненный мальчикъ, съ большимъ носомъ и маленькими глазками, во всемъ старавшійся подражать своему отцу. Рядомъ съ Бориской лежалъ на травѣ Катокъ, длинная на короткихъ ножкахъ собачонка, вся черная, съ двумя желтыми звѣздочками надъ глазами, на мѣстѣ бровей; морда Катка выражаетъ всегда какое-то странное умиленіе, смѣшанное съ лукавствомъ; особенно умиленно смотритъ онъ, когда при немъ начинаютъ ѣсть: тогда онъ какъ-то наостривъ уши, склонитъ голову на бокъ и смотреть. И нѣтъ возможности не дать ему куска въ эту минуту,